

Медленные птицы

К 70-летию Николая Алешкова

В последние десятилетия в русской литературе утвердился миф о возвращении. Как никогда прежде он силен и особенно отчетлив в поэзии

Поэзия обладает исключительной возможностью преодолевать границы реальности, не говоря уже о линиях, которыми очерчено наше пространство и время. И здесь уже возвращение выглядит как акт волевой и метафизической, которому воспретствуют житейскими, видимыми действиями практически невозможно.

Именно потому русская жизнь, написанная духовными энергиями поэзии, во многом сохраняет себя под давлением западного образа жизни, устроенного с сатанинским лукавством и жестокостью.

Стихи Николая Алешкова, на первый взгляд, могут показаться совсем не сосредоточенным совокупным лирическим высказыванием. И здесь — их тайна, когда за пустяком высвечиваются важнейшие вещи, а за лёгкими словами — смысл, охватывающий жизнь и судьбу.

У Алешкова поэтическая речь проста, порой обыденна, в ней нет литературной изощренности. Это позволяет автору снять дистанцию как между читателем и поэтом, так и между человеком и миром.

Обыкновенно, повядка его героя — скорее, сельские, чем городские. И тут особенный срез сознания: селянин, живущий в городе, но тоскующий по деревне («деревенским поэтом по Отчизне иду»). Он — земной человек, не асфальтовый, и ценит прикосновение порою даже больше созерцания — именно так он входит в природное перетекание света и темноты, предметов и тел. Физика любви почти магнетическая притягивает его, но и то, что осталось только порывом в отсутствии телесного соприкосновения, очень значимо: «Необъяснимая словами жар-птицей нежность промелькнет. Прекрасно всё, что ни случится!»

Алешков — один из самых предметных поэтов, приверженных русской лирической традиции. Картины жизни человека и природы у него удивительно точны в изобразительном отношении. Прочитав стихотворение, будто через увеличительное стекло видишь описанное. Причём его строки вмещают в себя и переживание, и загадочную мысль: «Отзовётся детство гулко: с лёгкой удочкой в руке по широкому проулку босиком бегу к реке».

В сюжетах автора много житейского, ему нравится укладывать в стихи ту или иную реальную историю. И делает он это с завидной лёгкостью, очень точно прописывая мизансцены и вскользь роняя характеристику происходящего: изображая, осознавая и, одновременно, ведя читателя.

Алешков всегда чувствовал себя поэтом — особенным, отдельным человеком: «Кто-то в небе поймал журавля. Я услышу небесное слово». Но только со временем стало понятно, чем оплачивается такая жизненная роль.

Ах, все мы скитальцы
и все богомольцы,
С надеждой и верой глядим в небеса,
Как будто бы слышим —
меж звёздных околиц
Родные зовут нас к себе голоса.

В этом реальном и духовном скитании хорошо читается: «какое-то странное русское чувство: во всём раствориться, от всех убежать». Подобное внутреннее противоречие не понятно иноземцу, оно его раздражает видимой непоследовательностью желаний. Однако способность соединять земное и небесное подразумевает сосредоточенность души и одновременно её открытость Божьему миру. Поэтому важно отметить неизменные ориентиры, замыкающие пространство, в котором движется поэт, — реальное, смысловое, ценностное: «Свет небесный, хлеб насыщенный, твердь земли моей родной».

Родная сторона у Алешкова — и

географическое место, и часть жизни. Не однажды он замечает в своих стихах, что его родина — детство. Собственно, так могут сказать многие — для поэзии подобное утверждение не является открытием. Но когда оно воссоздаётся при помощи поэтического образа, органично наполненного оттенками лиц и характеров, подробностями радости и бед, чертами действительности, которые снимают оком до границ детского царства, — всякий раз в словах поэта возникает маленькое чудо.

...Озёра плавают в закате.
И запах трав, и вкусухи!
Растут из этой благодати
мои негромкие стихи.

И если пристальней взглядеешь
в судьбу свою и жизнь свою,
я б навсегда остался в детстве,
как ангел в сказочном раю.

Для поэта детство оказывается не священным — в такой характеристике очевиден сухой ум, но «райским» — невинным, свободным, светлым, доверчивым. Он мог бы привести в стихах свидетельства тягот и горечи, поскольку рождён в год Победы, а послесоветские десятилетия требуют от художника суровых красок и жёстких линий. Но Алешков берегает детскую радость и упоение жизнью от поздних рациональных суждений зрелого человека. И такое отношение — одна из самых твёрдых опор его творческого сознания: «Боже, как же нас в детстве любили! Нам бы, Господи, так же любить».

Алешков поэт в стихотворениях — человек довольно буйного нрава. Влюблённый в земное чувствование, в женскую телесную красоту, он совершает поступки, о которых позже горько сожалеет: «Душа, как астроном, тоскует о небесном, а тело о земном!». Кажется, что лирический герой самозабвенно купается в водах жизненной реки и чувствует её течение, а в его сознании нет впечатления возможного кон-

ца. Так звери и птицы проживают дни и годы, не подозревая об их краткости и конечности. И это — примета давней, отменённой первым грехопадением и позабытой принадлежности к Раю. Однако для человека всё иначе, ему дано понимание добра и зла и чувство скоротечности времени.

У Алешкова первое и второе восприятие жизни взаимно переплетаются, и возникает движение вспять: от устья — к истоку, от космоса — к земному уголку. Чувство жизни без предела — как Вселенной! — превращает цепь житейских забот в бытийный круг, в котором «небесная благодать» и детство перекликаются, всё самое родное и близкое становится нетленным, а небеса оказываются Отчизной...

Очень большое место в поэзии Николая Алешкова занимает любовная лирика. Надо сказать, что эта тема по устоявшемуся порядку вещей отдана поэтам. Ахматова и Цветаева не только подарили русской литературе стихи такого рода, но и как будто обозначили художественную территорию, где женский тип лирического высказывания кажется главным и единственно возможным. Разумеется, стихи о любви у современных поэтов встречаются часто, однако они практически никогда не становятся приоритетным направлением их творчества. И Алешков оказывается редким исключением из «цехового» правила.

Целуй же! Мне твои желанны губы.
Их дикий мёд я только пригубил.
Не мсти за то, что не был однолюбом,
что не тебя сильней других любил.

Рассудит Бог —
лишь он меж нами третий.
А в небесах,
где Млечный Путь блещит,
одну лишь душу я хотел бы встретить,
которая за всё меня простит.

У поэта любовная тема выходит из собственных берегов и достигает русской природы, дыхания небес, земной

тяги и всего круговорота жизни человека. Причём начало этого созерцательного движения дано в современности — в таком контексте у Алешкова нет размывлений над историей и её фигурами.

Стихи его отличаются печальной мудростью и мальчишеской безоглядностью, а также завидной простотой, когда из реальных деталей возникает метафизическая дымка любовного чувства. Порой автор может изобразить, на первый взгляд, избыточное количество подробностей события, что более свойственно прозе, но почти всегда в его строках есть замечательная недосказанность, «послесвечение» слов. В свою очередь, множество реальных черт происходящего придают достоверность стихотворению, после чего рука поэта сообщает тексту «волшебство» — и он оживает...

Возлюбленная автора, ставшая затем его женой и матерью сына, ушедшая, но оставшаяся навсегда в памяти — вот центр огромного числа поэтических сюжетов Николая Алешкова и содержание лучших его стихотворений. Он сопрягает семейный лад с природой, сердечное движение у него неотделимо от физической близости.

Мы оба с тобою не знали греха,
как роща, как озеро. Гладкая кожа
Была после бури смиренна, тиха.
Весенние грозы...

Ты — пашня, я — пашня...
И сроки наступят. И вырастет сахар.
Душа твоя —
нежная певчая птица —
Покажется в просини между рябин.

Время беспощадно разрушает союз двух сердец, появляется новая семья, приходят другие лирические коллизии. Но память о любимой возникает в стихах Алешкова постоянно, во все последующие годы. И здесь перед нами — жестокий конфликт бытийного кольца и житейского поля. Он неизбежен для всякого человека, теряющего родных и ждущего собственного смертного часа.

Подобная раздвоенность художественного сознания преодолена для художника, который погружён в телесный мир и загнан в собственных душевных переживаниях. Жизнь духа, несомненно, являет собой некий тоннель в запредельное пространство, однако главным вопросом для человека оказывается вопрос памяти. Узнает ли он в тонком космосе тех, кого любил и

берёг, сохранится ли вместе с ним то драгоценное, живое, искреннее, узнаваемое, что делало существование на земле осмысленным и порой счастливым? И поэт обращается к реке, что втекает, кажется, в саму вечность:

Развей мою печаль, река, развей!
Иная жизнь — и женщина иная.
Возврата нет. Я о любви твоей,
как о воде протекшей вспоминаю.

Не однажды в стихах Николая Алешкова возникает образ журавлей. Обычно в русской поэзии их полёт связан с наступлением осени, когда птицы и родная земля различаются и приходит холода. Однако у Алешкова этот образ символизирует возвращение на родину: «Мне журавли под осень прокричали, что я по снегу к матушке вернусь». Здесь — важный, объёмный знак, однако его смысл не выходит за границы житейского распорядка. Тем не менее, подобная «осенняя» дорога в родные края обретает у поэта черты надмирные, когда «у бездны на краю прольются медленные птицы к северу, на родину твою».

У Алешкова тезис «пора подумать о душе» неотделим от телесной жизни, он словно бы спорит с ней и примеряется к границам земного существования. Однако при всех таинственных предчувствиях и предназначениях ощущение полноты жизни от детства до старости сопровождает большинство стихотворений поэта.

Знание пути не отменяет сам путь. Вот почему в стихах Николая Алешкова существуют на равных правах прозрения о бытийном круге и смещение человека, стоящего перед неизведанным и бесконечным пространством. Он сам определяет собственную судьбу и преодолевает трудные, нехоженые тропы.

Придет и Пасха. Молодой звонарь
на колокольне свяжет воедино
небесный купол и земной алтарь,
и благовест услышит вся дробина.

Небесное и земное, церковное, мирское и природное взаимно соприкасаются, а молодая сила связывает телесное с духовным под весенним светом Пасхи Господней. Вот где таятся единственные ответы на горькие земные вопросы, к которым каждый подбирает свои слова: тихо, не таясь, коротко и просто.

Николай АЛЕШКОВ

К небесной отчизне — с земного порога

Николай Алешков — ровесник Победы. Он родился 26 июня 1945 года, через два дня после парада на Красной площади. За свою жизнь сменил множество работ: был монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но его основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Алешков работал в газете «Время» (Набережные Челны), межрегиональной литературной газете «Звезда полей», сейчас он — редактор литературного журнала «Армак. Татарстан».

Николай Алешков — автор десяти книг стихов, изданных в Москве, Казани и Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии им. Г.Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» им. А. Прокофьева.

Год рождения

Над тесовою крышей
пели ветры в трубе.
Сын Петра и Мариши,
я родился в избе.
Ветры весело пели
и качали звезду
над моей колыбелью
в сорок пятом году.
И салюта зарницы,
что зажглись над Москвой,
расцвели, как жар-птицы,
над моей головой.
Чуть подрост — засеркали
на груди сорванца
боевые медали
с гимнастёрки отца.
— Батя, вспомни!
— Не надо...
Был отец молодым.
Из блокадного ада
возвратился седым.
Всё, что в детстве случилось,
я запомню навек...
В нашем классе учились
только семь человек.
Подсекали мы ловко
пескарей на реке.
Нас растила Орловка
на парном молоке.
Деревенские вдовы,
как пригоним коров,
скажут, потчуй вдоволь:
— Будь, сыночек, здоров!
Вытрут влажные веки
уголками платка.
Не забуду веки
вкус того молока!
Нас всем миром растили,
переселив беду.
Я родился в России,
в сорок пятом году.

Даль — не окинуть оком.
Родина — Божья милость.
Детство моё в далёком
августе затаялось.
Тайному зову внемлю.
Сердце живёт мечтами.
Падают звёзды на землю
и прорастают цветами.

Сирень

По швам затрещала рубаха.
Запутался я в городье...
Душа замирает от страха,
едва лишь притронусь к тебе.

Но спрятаны в майской сирени
порывы мальчишеских лет.
Я брошу тебе на колени
тяжёлый от влаги букет!

В ночном

«Былое, — говорят, — не вороши...»
Поэты — могут
вернуться в детство. Памятью души.
Молитвой к Богу.

Луга за Камой. Полночь. Блеск зарниц.
И был, и небыль!
Над всей рекой отсутствие границ
между зарёй и небом.

На крыльях сна
в ту ночь хочу вспорхнуть —
там ангелы летали.
И вспыхивал над миром Млечный Путь
не для меня ли?

Ведь помню, помню до сих пор не зря,
как небо пело,
как надо мной волшебная заря
горела...

Свалив на бутре недомётанный стог,
взбесившийся ветер скатился в низы.
И в тёплую пьль деревенских дорог
упали тяжёлые капли грозы.

Ворчала, ворочалась туча-зыбун.
Вдруг ливень ударил, ручьи потекли.
И мчался прищипоренный громом табун,
вздвывая копытами комья земли.

Летели галопом мои струнгуны.
А ливень по спинам воюю молотил.
С колхозной машиной наперелонки
летели они, вывиваясь из сил.

Я к рыжему крупу трёхлетка прирос,
пока не возник конный двор перед ним,
а там, среди пахнущих дёгтем колёс
мы долго дышали восторгом одним.

Исхлёстан дождем от макушки до пят,
я видел: сверкала небес круговерть
в безумных и влажных глазах жеребят,
что сбились, дрожа, под сухую повесть.

Уроки бокса

Мне — семнадцать. И Васья Евтеев —
пустомеля, оглобля, дурак —
метит в челюсть. Пустая затаё!
И ныряю под бьющий кулак...
Вырос я. Ты не думай, Василий,
что как раньше обиду стерплю.
Если хочешь помериться силой,
я готов, хоть и драк не люблю.
И теперь моя правая, Вася,
бьёт по «солнышку» — тренер учил.
Ты давно на скандал нарвался —
сбоку левой ещё получи!
На чужую девочку позарился?
На меня: «изувечу» — орал?
Отсвирепствовал, друг, отбазарился.
Всё по-честному. Ты проиграл.
Всё по-честному. Чисто и чётко.
Отдохни, корешок, у плетня!
Зря твоя прибежавшая тётка
сельсоветом стращает меня.

Когда...

Когда стрижей вечерних стайка
над тихой речкой пролетит,
а деревенская лужайка
сверчков поющих приотит;
когда ремённая уздечка
повиснет в сенах, у дверей,
а солнце садит на крыльцо
с мамулей рядышком моей,
и поведут они беседу —
им есть о чём поговорить?

Когда я вновь сюда приеду,
связку оборванную нить

с тем невозвратным добрым миром,
где безопасно босиком
пройтись по тропам, сердцу милым,
в заветный край, в родимый дом,
где был счастливым и безвинным,
как Божьей ласточки полёт?

Не зря же память-пуговина
забыть об этом не даёт...

И солнце, и дождик! Грибная пора —
порадуйся, милая — скоро наступит.
Пусть леший лохматые брови наспунит,
но выдаст лисичек четыре ведра,
а, может, и больше. Кукушку дразня,
наш сын засмеётся на светлой поляне.
А я вдруг услышу: «Колыня, Колыня!».
Не мама ли это окликнет меня
из детства далёкого? Август погож.
Вот-вот журавли пролетят над рекою.
Плеча моего ты коснёшься щекою:
«А сын на тебя, как две капли, похож».

В тот солнечный день мы до нитки
промокли под южным дождем.
Едва добежав до калитки,
оставшись со мною вдвоём,
ты сбросила мокрое платье —
и ангел меж нами воскрес.
Желанная! Наши объятья
смокнуты в небо небес.
За ласку твою огневу
(в глазах огоньки не тан!)
склоняюсь и нежно целую
прохладные груди твои.
Все наши бутры и ложбинки
совпали, как небо с землёй.
А души, любви половинки,
веки не станут золой.

И пусть занесут на скрижали,
в округе звеня, соловьи,
как страстью меня обжигали
горячие груди твои...

Когда заката луч, как Божья милость,
коснётся изголовья, догорая,
приди в мои объятья, дорогая!
Душа истосковалась, плоть изнылась.

Влюбом краю: на море и на суше
я без тебя лечу во сне на камни.
И не виновен я, что ты нужна мне,
как свет небесный

По морозцу, хрустя снежком,
через лес прохожу пешком.
Иней, как серебро седин,
с ёлок падает и осин.

Замечаю на склоне лет,
одолев не одну версту:
седина переходит в свет —
в абсолютную чистоту.

Замечаю на склоне лет,
одолев не одну версту:
седина переходит в свет —
в абсолютную чистоту.

Жаль, не стыкуются, мой друг,
приобретения и утраты.
Мы, может быть, и виноваты,
что изменилось всё вокруг,

что не увидит ледоход
на Каме будущее племя.
Из нас выветривает время
крестьянский дух из года в год.

Моя Орловка, твой Ташлык!
Душа сегодня — попросайка.
А деревенская лужайка
была чиста, как намазлык.

Твой Нижнекамск и мой КамАЗ
вовсю дымят под общим небом,
но пахнет дым печёным хлебом
лишь только в памяти у нас.

Дорога, дорога... Берёзы да ёлки,
деревы и реки, моря, города...
И хочется всюду остаться надолго,
а, может быть, и навсегда.

В вагонном окне
промелькнувшее чудо:
и храм на холме, и небес благодать.

Какое-то странное русское чувство:
во всём раствориться, от всех убежать.

И кажется, в тихой лесной деревушке
забудет невзгоды планета твоя.
Останутся только Россия да Пушкин,
да повисит метели, да трель соловья.

Ах, все мы скитальцы
и все богомольцы,
с надеждой и верой глядим в небеса,
как будто бы слышим — меж звёздных
околиц
родные зовут нас к себе голоса.

И до горизонта — дорога, дорога...
То слышится хор, то сирени поют.
К небесной отчизне с земного порога
стремится душа —
там последний приют...

Прощай, холодная зима!
Весна — для подвигот причина.
Весной готов сойти с ума
любой порядочный мужчина —
за взмах ресниц,
за поцелуй,
за нежный шёпот: «Не балуй!».

Воспоминание о моей маме

От зимнего солнца закапало с крыши
уютного домика бабы Мариши.
С карниза сосульки висят, как свирели,
и в марте капли вовсю зазвенели,
а бабе Марише скворцы прилетели,
услыся на крыше.

И внук её, Юрка, беспечен и весел,
на старой рябине скворечник повесил.
Мариша и рада — чиркают пусть
и в дом не пускают уныние и грусть...
Хоть место известно

на сельском погосте,
ещё в домовину не протая кости.
Из города — видишь! —
натрапили гости:
три сына, две дочери: мама, встречай,
в своём самоваре — особенный чай!

Все взрослые стали! И хлеба не просят.
Мариша смеётся: «Наверно, не бросят.
Видать, пятерых поднимала

недаром...»
А Юрка: «Бабуля, следи за базаром,
ты — самая главная в нашем роду!»

На яблонях почки набухли в саду...

Найдут сыновья молоток да топор —
починят калитку, поправят забор.
А в горнице снохи — и хохот, и топот —
пельменей настряпают,

баньку напотят.
Румяны бабёнки, румяны блины!
Сто лет бы жила от весны до весны...